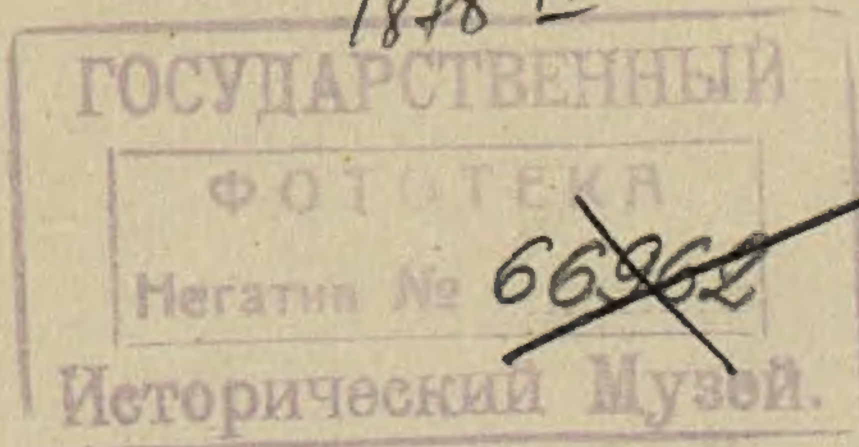
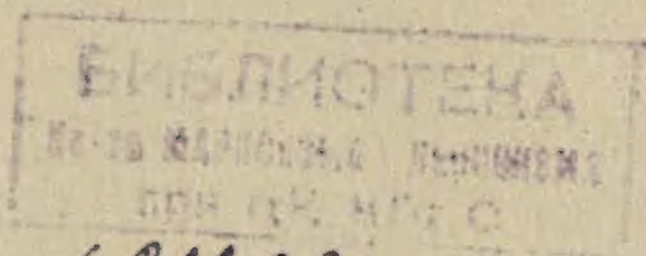
КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

31 марта 1878 года для Россіи начался прологъ той великой исторической драмы, которая называется судомъ народа надъ правительствомъ. Обвинительный актъ—это вся русская исторія, на страницахъ своихъ не представляющая ничего, кромѣ батожья, палокъ, плетей и шпицрутеновъ—съ одной стороны, и систематическаго раззоренія народа «ради его государевыхъ доходовъ»—съ другой.

Послѣ событій 31 марта нѣсколько совѣстно говорить о томъ, что правительство русское держится апатіей и индифферентизмомъ русскаго общества—въ этотъ день разрывъ русскаго общества съ правительствомъ выразился *de facto*, въ зданіи окружнаго суда оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ и поведеніемъ публики, аплодировавшей приговору. Присяжные отказались обвинить ту, которая рѣшилась противопоставить насилію—насиліе, они отказались подписаться подъ политикою душенія всякаго самостоятельнаго проявленія общественной мысли и жизни — они открыто признали невинность враговъ существующаго порядка.

414·65
1878 IV

624280

Этимъ ознаменовалось пробужденіе нашей общественной жизни, а полиція и жандармерія и не думали измѣнять своего обращенія съ публикою. На оправданную общественною совѣстью Засуличъ кинулись жандармы, съ цѣлію расправиться съ нею административнымъ порядкомъ. Людей, радовавшихся ея оправданію, били и мяли лошадьми, не пощадили даже беременныхъ женщинъ... Результатомъ свалки оказался одинъ убитый и двое раненыхъ. Самое слѣдствіе объ этихъ «уличныхъ безпорядкахъ» передано въ руки III отдѣленія, которому приходится такимъ образомъ произнести приговоръ надъ своимъ собственнымъ поступкомъ. Въ довершеніе всего, секретнымъ отдѣленіемъ отданъ приказъ участковымъ приставамъ «розыскать и арестовать оправданную судомъ присяжныхъ Засуличъ».

Русское общество долго молчало.

Оно молчало, когда въ теченіе столѣтій его лучшіе, свободомыслящіе люди погибали въ рудникахъ Сибири; когда русская наука несла такія потери, какъ потеря великаго экономиста Н. Г. Чернышевскаго.

Оно молчало, когда надежда Россіи — молодое поколѣніе подвергалось такимъ систематическимъ преслѣдованіямъ, какъ въ 60-хъ годахъ и въ настоящее время, когда нѣтъ семейства, гдѣ бы не дрожали за участь своихъ дѣтей, сколько нибудь способныхъ и чуткихъ.

Оно давало обманывать себя перспективой освобожденія болгаръ, когда собственный народъ голо-

далъ, когда нѣсколько сотъ тысячъ чиншевиковъ югозападныхъ губерній раззоряли до тла и пускали по міру.

Оно молчало и теперь, когда со всѣхъ сторонъ газеты приносятъ извѣстія о народномъ голодѣ и раззореніи.

Оно довольствовалось лицемѣрными полуреформами въ то время, когда даже турецкій султанъ счелъ себя вынужденнымъ дать своему народу извѣстныя гарантіи свободы и самоуправленія.

Оно занималось сборомъ пожертвованій въ пользу «братьевъ-славянъ» и оставалось равнодушнымъ, когда истязали розгами Боголюбова.

Оно молчало, молчало и молчало.

Мы не знали, заговоритъ ли оно когда-нибудь.

Но 31 марта и въ слѣдующіе дни петербургское общество заговорило наконецъ человѣческимъ языкомъ.

Правительство игнорируетъ подобные симптомы общественнаго пробужденія. Какъ бы въ насмѣшку надъ приговоромъ Петербургскаго Окружнаго Суда, полиціи отдается вышеупомянутый приказъ объ заарестованіи Засуличъ. Полиція вызываетъ столкновеніе на улицѣ, и въ первый разъ послѣ 14 декабря 1825 года Петербургскія улицы орошаются кровью борцовъ за свободу!

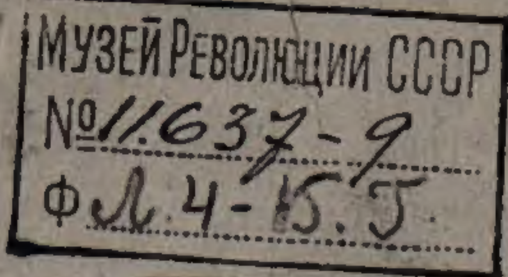
Прологъ начался. Общество не должно, оно не можетъ долѣе молчать, когда низводятся до нуля даже такія реформы, какъ институтъ присяжныхъ, когда надъ общественнымъ мнѣніемъ издѣваются такъ нагло, такъ открыто.

Всякій, кто не за правительство, въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть противъ него. Все общество должно было такъ или иначе, въ той или другой формѣ выразить свой протестъ противъ варварской администраціи.

Мы приглашаемъ учащуюся молодежь, приглашаемъ всѣ партіи, кромѣ партіи кнута и палокъ, соединиться въ одномъ общемъ и дружномъ натискѣ для пріобрѣтенія своихъ издавна попираемыхъ человѣческихъ правъ, для защиты своихъ свободомыслящихъ согражданъ отъ адскихъ казематовъ центральной тюрьмы и Петропавловской крѣпости, для защиты русскаго народа отъ поголовнаго разворенія, для защиты русской науки и мысли отъ жалкой и безславной смерти подъ рукою цензора-палача...

Пусть разныя политическія партіи преслѣдуютъ разныя цѣли, но ни одна изъ нихъ не позволяетъ господствовать надъ собою тѣмъ, вся политика которыхъ исчерпывается двумя мрачными, давно вездѣ забытыми словами: «Слово и дѣло!».

Вездѣ и всегда, у всѣхъ народовъ, когда-либо возстававшихъ за свободу, имена первыхъ павшихъ бойцовъ становились святынею, а смерть ихъ не оставалась безнаказанною...

Печатано въ „Вольной Русской Типографіи“.